

ПОСЛЕДНИЙ РУБЕЖ

ОЛЬГА МАХТЕЙ

18+

Ольга Махтей
Последний рубеж

«Автор»

2026

Махтей О.

Последний рубеж / О. Махтей — «Автор», 2026

Август 1991 года. Экипаж орбитальной станции «Родина-7» теряет связь с Центром. Страна, отправившая их к звездам, распалась, вычеркнув секретный проект из всех списков. Земля замолкает. Орбита деградирует. Ресурсы тают, а приборы начинают медленно убивать своих хозяев. Шесть лет в тишине над планетой, которая их похоронила. Шесть лет борьбы с вакуумом, безумием и собственной совестью. Космос здесь выступает безжалостным судьей. Когда приказы командования теряют смысл, а каждый глоток воды требует невероятных усилий, встает выбор — подчиниться долгу перед мертвой империей или взбунтоваться ради шанса на спасение. Это история о выживании, где главная битва разворачивается не с поломками механизмов, а с границами собственной человечности. Книга вдохновлена реальной атмосферой 90-х и техническими деталями советских космических программ. Это попытка ответить на вопрос: что чувствует человек, оставшийся на посту, когда его страна перестает существовать?

© Махтей О., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Пролог	5
Глава 1. Уравнение орбиты	7
Глава 2. Ледяная шахта	12
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Ольга Махтей

Последний рубеж

Пролог

19 августа 1991 года. Орбита: 340 километров.

Командир Станислав Руднев набрал на кнопочной панели шестнадцатизначный шифр. Светодиодные индикаторы мигнули — отсчёт сброшен. Ещё двадцать четыре часа отсрочки для механизмов, запертых за опломбированным люком отсека «К».

Руднев нажал тангенту.

— Заря, я Седьмой. Данные ушли. Жду подтверждения.

Динамик выдал короткий скрежет. Бортинженер Анна Громова придержалась за край стойки.

— Расхождение по наклону — два градуса, Станислав Викторович. Запросите корректировку.

— Заря. — Руднев надавил на клавишу. — Как слышите?

Ответ пробился не сразу. Сбивчивая, лихорадочная речь — это был кто-то из младших операторов, а не сменный руководитель.

— Седьмой это Заря. Не до наклона.

Дежурные ЦУПа никогда не позволяли себе подобного тона. Руднев придвинулся ближе к микрофону.

— Доложите обстановку.

На фоне нарастал хаос: скрип передвигаемых стульев, хлопки дверей, крики и внезапно — звуки симфонического оркестра.

— У вас там концерт? — не поняла Анна.

— Везде концерт. — Оператор глотал окончания слов. — Государственный комитет танки у Белого дома. Связь рубят.

— Дайте чёткий приказ. Код принят? Что с протоколами?

В динамике взвизгнул электрический разряд. Оператор заговорил так, словно прикрывал микрофон ладонью:

— Я не знаю, кто завтра выйдет на смену. И выйдет ли вообще. Берегите ресурсы. Ждите. Щелчок. Резкий звук сменился пустотой. Земля перестала отвечать.

Связь не восстановилась ни через час, ни через сутки. Командир оставался в командном модуле один. Зелёные диоды на консоли отсчитывали секунды до следующего обязательного сброса таймера «Периметра».

Станислав знал протоколы наизусть. При выходе из строя основного реле подмосковный Центр управления обязан задействовать резервные мощности в Евпатории — на это регламент отводит сорок пять минут. Если южный узел обесточен, сигнал передаётся на корабли измерительного комплекса в океане. Максимальное время развёртывания — три часа.

Прошло тридцать.

Командир смотрел на молчащие шкалы трансивера. Никто не запускал резервные генераторы, никто не передавал координаты кораблям связи. Те люди, которые вчера отдавали ему приказы и контролировали орбиту, больше не сидели за своими пультами. Слово «кризис», брошенное оператором напоследок, означало не поломку оборудования, а крушение самой структуры, управляющей полётом.

Руднев понял — никто не решает их проблему. На них нет времени. Сотни инженеров и баллистиков внизу сейчас спасают свои семьи, работу или жизни на улицах, где лязгают гусеницы танков. «Родина-7» превратилась в оторванный осколок железа.

Но за его спиной всё ещё располагался опломбированный модуль с пусковыми кодами. Станислав принял решение — он будет нести эту вахту, даже если планета внизу провалится в тартарары. Главное — не дать экипажу понять, что Центр замолчал навсегда.

Глава 1. Уравнение орбиты

Борт станции «Родина-7», 18 сентября 1991 года

Бортинженер Анна Громова с раздражением отбросила гаечный ключ. Инструмент со звоном ударился о переборку и плавно закачался в невесомости.

— Вакуумные клапаны сгорели, — сообщила она, стирая пот со лба. — Скачок напряжения выжег управляющие контуры комплекса «Воздух». Электроника мертва.

Командир Станислав Руднев перехватил край люка.

— Восстановлению подлежит?

— Нет. Цеолитовые фильтры целы, они продолжают впитывать углекислоту. Но автоматический сброс за борт не работает. Я вывела ручной байпас.

Анна указала на массивный металлический вентиль.

— Теперь очистка фильтров — это ручной труд. Каждые два часа нужно проворачивать эту рукоять до упора, держать три минуты, стравливая газ в вакуум, и герметично закрывать.

— А если пропустить цикл? — Кротов вынырнул из-за спины командира.

— Концентрация СО превысит критическую отметку. Сначала боль в висках, потом потеря сознания. Задохнёмся во сне.

Из переходного люка появился врач Михаил Завьялов. Бортовой костюм сидел на нём идеально, воротник застёгнут под горло.

— Значит, установим строгий график дежурств. — Завьялов сцепил руки за спиной. — Тридцать суток без связи с Центром диктуют новые условия. На Земле кризис. Враг отрезал нас от командования, надеясь посеять хаос. Поломка оборудования — часть этого испытания. Советский человек способен преодолеть любые лишения, если соблюдает строжайшую дисциплину.

Анна с откровенным недоверием уставилась на врача.

— Михаил Петрович, враг здесь ни при чём. У нас сгорел трансформатор из-за износа изоляции. Гравитации и физике безразличны наши политические взгляды.

— Износ материала — не повод для упаднических настроений, товарищ Громова. Мы организуем углекислотную вахту. Никаких поблажек. Ваша задача — составить расписание смен. Моя, как врача и парторга, — следить, чтобы истощение не привело к моральному разложению коллектива. Трудности закаляют волю. Тот, кто держит вентиль, держит оборону всей станции.

Их спор разносился по узким коридорам, достигая соседних отсеков. Станислав слышал каждое слово, но предпочёл не вмешиваться. У него была своя линия обороны, о которой идеолог и бортинженер даже не подозревали.

В командном посту низко вибрировал гул трансформаторов. Руднев сидел у главного пульта связи, спиной к открытому люку, отгораживаясь от нарастающей паники экипажа. Рука легла на кнопочный блок.

— Заря, я Седьмой. Бортовое время — четырнадцать ноль-ноль. Системы жизнеобеспечения работают в аварийном режиме. Жду корректировки. Приём.

Из динамика лилось непрерывное, монотонное шипение.

Станислав прижимал наушники к голове, пытаясь уловить не голос дежурного оператора, а звук живой планеты — эхо городов, перестук поездов на мостах, шелест радиоволн. Но Земля молчала.

Он вспомнил последний инструктаж в Главном штабе. Просторный кабинет на глубине десятков метров под землёй. Массивные дубовые столы, за которыми сидели люди с большими звёздами на погонах. Воздух там был сизым от дыма дешёвых сигарет «Прима» и отдавал кислотным духом казённого сукна армейских шинелей. Тогда, слушая директивы о сохранении

автономности в случае государственного кризиса, Станислав считал это паранойей политического руководства. Теперь бумажные инструкции стали их приговором.

Пока приёмник шипел пустотой, командир быстро набрал на нижней клавиатуре шестнадцатизначную комбинацию. Это была вторая часть его ежедневной работы, о которой не знал никто на борту. Таймер автономной системы управления объектом «К» обнулится, отсчитывая новые двадцать четыре часа до того момента, когда автоматика решит, что экипаж мёртв, и активирует протокол орбитального удара.

— Вы сжигаете энергию, Станислав Викторович.

Анна оказалась у порога отсека, зажав под мышкой планшет с графиками. Руднев убрал руку от пульта.

— Устав предписывает регулярный выход на связь до получения новых инструкций, — ответил он, глядя на шкалу заряда батарей.

— Трансивер потребляет четыреста ватт в режиме передачи, — настаивала бортинженер. — Мы уже перевели очистку воздуха на ручной привод, чтобы сэкономить эти самые ватты. Каждое ваше «Приём» в пустоту — это часы работы резервных аккумуляторов. Там некому слушать. Земля не отвечает тридцать суток.

— Мы обязаны фиксировать попытки контакта. Если ЦУП восстановит канал, они должны получить наши данные.

— ЦУП не восстановит канал. Вы слышали радиообмен в день обрыва — там танки на улицах. — Анна начинала злиться. — Аппаратура связи выедает ресурс. Я требую обесточить главный передатчик и перевести систему в режим приёма.

— Отклоняется, — Руднев перевёл рацию в режим ожидания. — Мы продолжаем попытки контакта по графику. Это приказ.

Анна развернулась к проему шлюза.

— Вы держитесь за бумажные инструкции, командир. Но бумага не даёт тока. Когда у нас сядут батареи, ваши отчёты будет читать вакуум.

Она скрылась в переходном люке. Руднев остался наедине с зелёными диодами, отсчитывающими время до следующего обязательного сброса таймера.

В отсеке жизнеобеспечения воздух был плотным и влажным. Вдоль переборки тянулись прозрачные пластиковые трубы, по которым циркулировала тёмно-зелёная биомасса. Хлорелла поглощала углекислый газ и выдавала протеин. Светлана Макарова осторожно откручивала клапан дозатора, сцеживая порцию зелёной пасты.

Завьялов держал в руках открытый блокнот и уверенно вещал, делая дидактические паузы после каждого тезиса:

— Мы обязаны исходить из наихудшего стратегического сценария. Если противник применил оружие массового поражения или вывел из строя центральные узлы связи, наше радиомолчание — это базовая безопасность. Мы не забыты. Мы — законсервированный резерв. Дестабилизация обстановки на борту — это то, на что рассчитывает враг.

— Ваш главный враг, Михаил Петрович, сейчас в этих трубках. — Анна указала на био-реактор. — Если водяной насос даст сбой, стратегический резерв погибнет от истощения через четырнадцать суток. Неприкосновенный запас расходуется слишком быстро. Мы перешли на хлореллу ради выживания, а не ради проверки на прочность.

— Пища — это лишь топливо для физического носителя, — возразил врач. — Без правильной установки психика разрушится раньше, чем кончатся углеводы. Я требую, чтобы политинформации стали ежедневными. Это структурирует график и возвращает коллективу цель.

Светлана молча передала Анне наполненную тубу. Биолог выглядела измотанной — под глазами залегли тёмные круги. Вся её работа свелась к бесконечному контролю температуры и кислотности воды в трубках.

— Вы пытаетесь купировать панику параграфами из устава, — заметила Анна, взвешивая тубу в руке. — Экипаж боится не идеологического поражения. Люди боятся, что завтра эта слизь перестанет расти. Оставьте им право на нормальные человеческие реакции.

— Честные реакции в замкнутом пространстве ведут к саботажу, товарищ Громова.

— К саботажу ведёт отказ признавать факты. Мы отрезаны. Помощи нет. И мы живы только потому, что законы механики пока на нашей стороне.

Бортовая ночь отмерялась щелчками таймера. Алексей навалился всем весом на неподатливую рукоять сброса углекислоты. Металл со скрежетом поддался, открывая вакуумный байпас. Триста секунд удержания — иначе фильтры захлебнутся.

Мышцы плечевого пояса горели от напряжения. Чтобы не уснуть от избытка углекислоты, Кротов установил рядом с клапаном широкополосный приёмник. Аппарат он собрал заранее, в часы, отведённые на сон, тайком выпотрошив детали списанного пеленгатора. Инструментов не хватало, поэтому провода он зачищал лезвием скальпеля, одолженного в медблоке. Для антенны, способной поймать отражённые сигналы коротких волн, Кротов демонтировал часть медной оплётки с кабеля запасного осветителя и виток за витком намотал грубую проволоку на пластиковый тубус из-под чертежей.

Теперь кустарный прибор, запитанный в обход основных систем от спарки ручных фонарей, лежал на столешнице. Штатная радиостанция комплекса была заблокирована на частотах правительственной связи — искать там гражданский эфир не имело смысла.

Свободной рукой он крутил ручку настройки, искал военные частоты, аварийные маяки — хоть что-то, подтверждающее теорию Завьялова о глобальном конфликте. Ничего.

Двести секунд до закрытия клапана.

Алексей сдвинул диапазон на короткие волны — и услышал. Женский голос, английский язык, калифорнийский акцент, бодрая интонация без малейшего намёка на тревогу.

«sunny weather across the Bay Area today, high of seventy-five. Coming up next, the new track from»

Затем послышался ритмичный бас, зазвучала поп-музыка.

Алексей забыл о боли в руках. Он разжал пальцы, и рукоять, которую он держал, поплыла в сторону. Музыка. Прогноз погоды. Семьдесят пять градусов по Фаренгейту. Солнечно.

Никаких кодов ядерного запуска. Никакого пепла.

Алексей смотрел на самодельный приёмник, как на оживший труп. Планета, которую они считали мёртвой или умирающей, слушала утренние шоу. Планета, по которой — он был уверен — прошли танки и ударные волны, сейчас радовалась солнцу и заказывала песни по радио.

У Алексея вырвался короткий, рваный смешок. Все эти месяцы затворничества, экономии каждого грамма, надежды на спасение — всё это происходило над равнодушной, цветущей планетой, которая не вспоминала о пяти людях, застрявших на орбите.

Он едва не забыл закрыть клапан. Спohватившись, рванул рукоять на себя, завернул до упора. В ушах всё ещё звенела поп-музыка — лёгкая и беззаботная, как пляжный волейбол.

Алексей выхватил кассету из приёмника и бросился в командный модуль.

Станислав и Анна обсуждали график дежурств, когда в отсек буквально ввалился Кротов — бледный, с бешеными глазами, сжимая в одной руке кассету, а другой судорожно цепляясь за поручень.

— Кротов, что с тобой? — Анна осеклась на полуслове. — Ты весь дрожишь.

Он ничего не ответил. Просто воткнул кассету в деку и нажал воспроизведение прежде, чем кто-либо успел его остановить.

Зазвучал жизнерадостный женский голос, говорящий по-английски, а следом — ритмичный поп-мотив.

— Что это? — Руднев придвинулся к пульту.

— Тише! — рявкнул Кротов.

Дослушали до конца. Магнитофон щёлкнул, кассета остановилась.

— Это — начала Анна. — Это Сан-Франциско. Прогноз погоды. У них там солнечно. Алексей кивнул.

— Никакой радиоактивной зимы. Никаких орбитальных глушилок. — Он перевёл дыхание, пытаясь унять дрожь в руках. — По крайней мере, Калифорния точно жива.

— Значит, ядерной войны нет. — Анна пыталась выстроить логическую цепочку. — То, что говорил оператор в день обрыва — танки у Белого дома, ГКЧП — это, видимо, внутренний конфликт. Не глобальный.

— Но связь молчит. — Руднев указал на молчащую приборную доску. — Если мир цел, почему Центр не выходит на контакт? Почему молчат военные частоты?

Алексей дёрнул плечом.

— Может, не могут. Может, идёт борьба за узлы связи. Может, им пока не до нас.

Анна испытала странное чувство облегчения, смешанного со страхом. Облегчение от того, что мир не погиб в ядерном огне. Страх от того, что они по-прежнему отрезаны и брошены, — только теперь это выглядело не как трагедия вселенского масштаба, а как их личная беда.

— Нужно сообщить остальным, — сказала она. — Светлана места себе не находит, думает, что везде пепел. А тут — прогноз погоды, музыка. Это даст ей надежду.

Руднев колебался.

— А Завьялов? Как он воспримет?

— Как обычно. — Анна забрала кассету у Алексея. — Скажет, что это вражеская дезинформация, призванная усыпить нашу бдительность. Но Светлана имеет право знать. Она мать, она с ума сходит.

Алексей облегчённо выдохнул.

— Я думал, вы скажете — стереть. Я думал, вы испугаетесь.

— Чего? — спросил Руднев.

— Правды. — Кротов убрал кассету в карман. — Того, что экипаж узнает: внизу не ад. Внизу просто жизнь. Которая идёт без нас.

Станислав покачал головой.

— Мы не будем ничего скрывать. Но и выводов пока делать не станем. Одна американская радиостанция — не доказательство того, что на нашей территории всё спокойно. Возможно, конфликт локализован. Возможно, связь восстановится завтра. Мы не знаем. Поэтому скажем так: есть основания полагать, что глобальной катастрофы не произошло. Подробности — по мере поступления.

Анна кивнула.

— Я позову Светлану.

Через несколько минут в командном отсеке собрались все. Светлана появилась, вытирая руки от питательного раствора, и остановилась, увидев лица товарищей. Завьялов, как всегда, вытянулся по стойке смирно, готовый внимать.

Руднев включил диктофон.

Когда запись отзвучала, в отсеке повисла полная тишина.

Светлана прижала ладони к губам.

— Они живы — прошептала она. — Там, внизу они живы. Моя девочка

— Это ничего не доказывает! — резко оборвал её Завьялов. — Одна гражданская частота на территории вероятного противника. Это может быть специально запущенная запись, рассчитанная на перехват. Психологическая операция. Враг хочет, чтобы мы поверили в безопасность, расслабились и выдали себя в эфир. Я требую занести данный факт в журнал как возможную провокацию.

— Да замолчите вы, Михаил Петрович, — не выдержала Анна. — Дайте людям порадоваться.

Завьялов упрямо сцепил руки за спиной, но промолчал.

Светлана бросилась к Алексею и, не спрашивая разрешения, обняла его. Он стоял, неловко опустив руки, не зная, куда девать внезапную благодарность.

— Спасибо, — шепнула она. — Спасибо тебе.

— Это только запись, — пробормотал он. — Это ещё не спасение.

— Но это надежда, — возразила она. — А надежда — это уже спасение.

Руднев смотрел на свой экипаж: на плачущую Светлану, на растерянного Алексея, на Завьялова, который уже что-то строчил в своём блокноте, и на Анну, чьи плечи едва заметно дрожали. Он понимал — эта запись ничего не решает. Они всё ещё заперты в трёхстах сорока километрах над планетой. Они всё ещё не знают, что случилось с их страной. Но теперь у них появилось то, чего не было тридцать дней — крошечный повод верить, что за них ещё будут бороться.

— Все свободны, — сказал командир. — Завтра продолжаем по графику.

Когда все разошлись, Руднев приблизился к пульту «Периметра» и набрал очередной шестнадцатизначный шифр. Таймер обнулится. Ещё двадцать четыре часа отсрочки для механизмов, запертых за опломбированным люком отсека «К».

Только теперь, после всего услышанного, этот ежедневный ритуал обрёл новый смысл. Раньше он боялся, что автоматика запустит ракеты по мёртвой планете. Теперь он боялся, что она запустит их по живой.

Глава 2. Ледяная шахта

Борт станции «Родина-7», 12 февраля 1992 года

В отсеке жизнеобеспечения гудели вентиляторы. Светлана Макарова сжимала в руке свой суточный гидратор — фольгированный пакет с пятьюдесятью миллилитрами мутной воды.

Хлорелла в прозрачных секциях реактора выглядела больной. Тёмно-зелёная биомасса поблекла, местами обнажая пластик труб. Водяная помпа работала с надрывом, втягивая больше воздуха, чем жидкости.

Биолог открыла колпачок гидратора. Пить она не собиралась. Светлана поднесла к горловине пакета широкогорлый медицинский шприц и потянула поршень на себя. Вода перетекла в цилиндр, собравшись внутри крупной дрожащей каплей.

— Что вы делаете, товарищ Макарова?

Светлана вздрогнула. В проеме люка возник Михаил Завьялов — он перехватил край переборки и переместился внутрь, оперевшись ботинками в раму.

— Вы обязаны потреблять суточную норму жидкости. Обезвоживание оператора ведёт к снижению работоспособности и ошибкам, критичным для всей станции.

— Биомасса гибнет. — Светлана зажала шприц в кулаке. — Циркуляция в контурах упала вдвое. Если реактор пересохнет, мы останемся без белка. Я отдаю свою долю, товарищ Завьялов. Я не беру лишнего.

— В замкнутой экосистеме нет ничего личного, — возразил врач. — Ваша вода — это часть общего метаболического цикла. Если вы выйдете из строя из-за почечной недостаточности, кто будет обслуживать гидропонику? Устав запрещает самовольное перераспределение ресурсов. Верните жидкость в пакет.

Светлана замотала головой. Паника, которую она подавляла последние месяцы, начала прорываться наружу.

— Устав нас не напоит! Посмотрите на трубы! Вода уходит, Михаил Петрович. Она исчезает, и я не понимаю куда.

— Отдайте шприц. Это приказ.

Завьялов потянулся к Светлане. Биолог резко отшатнулась, налетев плечом на корпус реактора. Шприц выскользнул из её пальцев.

— Прекратить!

Резкий окрик командира заставил их замереть. Руднев появился в отсеке вместе с Громовой — Анна держала исписанный графиками планшет и ловко перехватила проплывающий мимо шприц.

— Оставьте её воду в покое, Михаил Петрович, — сказала она, возвращая инструмент биологу. — Макарова права. У нас критическая нехватка массы.

Громова отщелкнула магнитный фиксатор и прилепила планшет к стальной стенке щитка рядом с командиром. Она указала карандашом на нижнюю колонку цифр.

— Математика не сходится. Система регенерации недополучает жидкость.

Командир оторвался от стрелочных индикаторов давления, склонившись над листом бумаги.

— Утечка в вакуум?

— Нет. Внутренняя миграция. — Анна провела графитом по бумаге, подчеркивая итоговый результат. — Уплотнители износились. Влага из нашего дыхания и пота уходит в грузовой отсек. Там минус пятьдесят по Цельсию. Вода оседает инеем на промёрзшем металле. Замкнутый цикл разомкнут.

Станислав задумался. С того дня, как Алексей принёс запись американской радиопередачи, прошло полгода. Они все знали: Земля в порядке, катастрофы не случилось, о них забыли. Каждая потерянная капля приближала финал, и никто не собирался отправлять спасательный челнок.

— Сколько у нас времени до критической отметки? — спросил Руднев.

— Тридцать суток. Затем пересохнет гидропоника. Без циркуляции биореактор с хлореллой погибнет. Следом откажет система охлаждения, а дальше — остановка сердца от обезвоживания.

Руднев кивнул.

— Значит, мы пойдём в неотапливаемый блок и вернём нашу воду. Готовьте скафандры.

Два луча налобных фонарей прорезали темноту грузового модуля. Свет выхватил искрящиеся наросты на обшивке — замёрзшая вода из жилых отсеков осела здесь бугристым панцирем.

Станислав вогнал металлический скребок под ледяную корку. Осколки брызнули в стороны. Он подцепил лёд толстой перчаткой скафандра и отправил его в раскрытую горловину пластикового мешка.

Рядом работал Алексей. Его движения были резкими и злыми. Скребок со скрежетом проходил по обшивке, сдирая иней вместе с машинной смазкой и микрочастицами изоляции.

— Триста сорок километров вниз, — ворчал Алексей. — Там сейчас утро. Кто-то пьёт горячий кофе и жалуется на пробки.

Станислав не ответил. Он с усилием отколол ещё один пласт грязного снега.

— Мы собираем собственный пот, командир, — продолжил Кротов, не прекращая орудовать скребком. — Чтобы потом растопить его и выпить снова. А они слушают поп-музыку. Я бы понял, если бы мы спасали человечество. Но мы спасаем статистику, из которой нас давно вычеркнули.

— Завидуете поп-музыке, Кротов? — бросил Руднев, не прекращая работу.

— Завидую пробкам, командир. Впервые в жизни завидую московским пробкам.

— Экономьте кислород, Алексей. Гнев увеличивает частоту дыхания. Нам нужен этот лёд. Если мы не наберём три килограмма за выход, завтра Светлана не сможет запитать гидропоннику.

Кротов с размаху вогнал лезвие инструмента в стык стальных листов. Крупный обломок льда откололся и поплыл в невесомости.

— Знаете, что самое забавное? — спросил Алексей, ловя льдину и запихивая её в мешок. — Когда мы вернёмся в тепло, нам придётся согреть эти пакеты своими телами. Спать с ними в обнимку.

— Радуйтесь, что у нас есть что согреть, — отрезал Станислав. — Переходим к следующей секции.

Спустя четыре часа грязный лёд в пластиковых мешках, согреваемый теплом тел экипажа, превратился в мутную, отдающую металлом жидкость. Руднев перелил содержимое пакетов в приёмный резервуар системы регенерации.

Анна подключила электропитание главного водяного насоса. Электродвигатель загудел, втягивая воду в канал очистки. Внезапно звук изменился — мотор сорвался на высокие обороты, заработал вхолостую, а затем захлебнулся. Из-под металлического кожуха вырвалась струйка воды, разлетаясь по отсеку мелкими шариками.

— Обесточьте узел! — скомандовала Анна, перехватывая гаечный ключ.

Станислав вдавил клавишу выключателя. Бортинженер быстро открутила болты крепления и сняла защитную раму. Внутри помпы поблескивала влага. Анна извлекла из механизма круглую деталь и осмотрела её под светом бортовой лампы.

— Эластичная мембрана порвана, — она продемонстрировала неровный край резиновой прокладки. — Износ материала. Давление разорвало деталь по шву.

— Поставьте запасную, — предложил Алексей.

— Запасных нет. Мы израсходовали ремкомплект в декабре. Без этой мембраны помпа не протолкнёт воду через фильтры.

— Значит, сделаем новую, — потребовал Руднев. — На борту достаточно синтетики.

Анна покачала головой, отбрасывая испорченную деталь.

— Теплоизоляция не годится. Парашютная ткань спускаемого аппарата пористая, она не удержит давление воды. Нам нужна ткань особого плетения. Мы пропитаем её эпоксидной смолой, чтобы она стала гибкой, но водонепроницаемой.

— Какой конкретно материал нужен? — спросил командир.

— Качественный искусственный шёлк.

Кротов и Руднев обменялись взглядами. На станции хранился только один предмет из подобной ткани.

Анна и Станислав направились в жилой отсек к врачу миссии Завьялову. Перед Михаилом Петровичем в воздухе плавал раскрытый блокнот. Услышав скрип переходного люка, он закрыл записи.

Громова и Руднев перебрались внутрь модуля.

— Нам нужен ваш галстук, Михаил Петрович, — сказала бортинженер.

Врач напрягся, рука инстинктивно дернулась к воротнику.

— Это неуместная шутка, товарищ Громова.

— Помпа системы регенерации воды вышла из строя. Разорвало уплотнительную мембрану. Вода не поступает в фильтры. Без качественной синтетики, способной удержать эпоксидную смолу, мы останемся без жидкости. Ваш партийный галстук — единственный подходящий отрез искусственного шёлка на станции.

Завьялов прикрыл рукой свой личный рундук.

— Это символ. Знамя, если хотите. Олицетворение государства, отправившего нас сюда.

— Вода отказывается течь по законам диалектики, Михаил Петрович. — Анна не сводила взгляда с запертого рундука. — Если не заклеим помпу плотной синтетикой, через пару недель ваш кумач пригодится нам разве что в качестве саванов. Эстетично, согласна. Но крайне непрактично. Отдайте галстук.

— Ищите другой материал. Разберите парашюты. Вскройте аптечки. Я не позволю осквернять атрибутику ради сантехнических нужд. Вы теряете идеологический стержень, Громова.

Врач отгородился от них сжатыми кулаками, защищая дверцу рундука. Расстаться с кумачом для него означало признать, что никакой великой миссии больше нет, а есть только сантехника и выживание.

Руднев перехватил поручень над его головой, нависая.

— Товарищ Завьялов. Вы находитесь на борту военного объекта. Приказ командира в аварийной ситуации не обсуждается. Достаньте галстук.

Врач не мог послушаться прямого приказа. Он понуро открыл дверцу рундука, вынул аккуратно сложенный красный галстук и вложил его в протянутую руку Руднева.

Оставшись один, Завьялов открыл блокнот, достал шариковую ручку и сделал первую запись на чистом листе. Если внешняя система координат рушилась, ему необходимо было зафиксировать её на бумаге.

Анна разложила красный шёлк на рабочем столе, взяла ножницы и разрежала ткань. Символ советской власти потерял форму, превратившись в расходный материал.

— Смола и отвердитель. — Алексей продемонстрировал два пластиковых шприца с вязкой желтоватой жидкостью.

Работать с эпоксидной смесью при нулевой гравитации было опаснее, чем с открытым огнём. Жидкость не лилась. Выдавленная из тубы, она собиралась в шарообразные сгустки. Достаточно одному такому липкому пузырю угодить в решётку вентиляции — полимер заклинит лопасти кулера или перекроет дыхательную артерию, обрекая отсек на удушье.

— Делаем бокс, — скомандовала Анна.

Они растянули над рабочим столом кусок прозрачного полиэтилена от транспортировочной упаковки. Края приклеили армированной лентой к металлическому щиту, создав герметичный пузырь. Анна прорезала в пластике две узкие щели, просунула внутрь руки в толстых резиновых перчатках, а Алексей плотно замотал стыки скотчем вокруг её запястий.

Теперь кисти бортинженера находились внутри изолированной камеры вместе с шёлком и шприцами.

Анна с усилием надавила на поршни. Компоненты зависли в воздухе в виде двух дрожжащих янтарных сфер. Бортинженер осторожно, стараясь не разбить шары на мелкие капли, свела их вместе.

Жидкости слились в единый ком, и Анна подхватила его красным лоскутом.

Начался самый опасный этап. Смолу требовалось втереть в структуру волокон. Анна разминала ткань, заставляя химический состав пропитывать нити. Эпоксидная смесь начала выделять тепло. Температура росла, пробиваясь даже сквозь толстую резину перчаток и обжигая ладони.

Липкие нити тянулись за пальцами, норовили испачкать прозрачный купол. Постепенно шёлк потемнел и стал жёстким.

— Реакция завершается, — сообщила Анна, чувствуя, как ткань теряет эластичность. — Вскрывай.

Алексей вспорол плёнку лезвием. Из самодельной камеры потянуло резким химическим запахом. Анна извлекла готовую деталь. Это был уже не мягкий элемент одежды, а прочный, упругий диск.

Кротов закрепил мембрану внутри помпы и затянул болты фиксации.

— Пуск, — скомандовала Громова.

Руднев повернул рычаг.

Электродвигатель взвыл, набирая обороты. На этот раз звук был стабильным, без надрыва. Вода из приёмного резервуара устремилась в систему фильтрации. Ни одной капли не сорвалось из-под металлического кожуха.

Сквозь технологический паз виднелся край красного шёлка, пульсирующий в такт работе двигателя. Символ исчезнувшей империи теперь выполнял единственную полезную функцию — гнал талую воду по трубам умирающей станции.

Из «Летописи изоляции». Бортовой врач М.П. Завьялов. Запись от 12 февраля 1992 года. Бортовое время 23:15.

«Анализ оперативной обстановки свидетельствует о нарастании факторов агрессивной среды. Технические сбои, в частности разрыв гидроизоляционной мембраны водонапорной магистрали, не следует рассматривать как слепую случайность. Это прямое следствие нашего отрыва от материальной базы, спровоцированного вражеской блокадой радиообмена. Осада продолжается.

Сегодня коллективу пришлось пойти на крайние меры. Ради восстановления работоспособности системы регенерации был утилизирован мой партийный галстук.

Первичное восприятие данного акта как идеологической диверсии со стороны бортинженера Громовой оказалось ошибочным. Эмоциональная реакция недопустима для офицера. В условиях автономного выживания символика обязана трансформироваться в практическое орудие. Ткань, несшая на себе смысловую нагрузку принадлежности к партии, теперь несёт

гидродинамическую нагрузку, обеспечивая жизнедеятельность советских граждан на орбите. Материя перешла в иную, высшую форму служения.

Вынужден констатировать — психологическое состояние экипажа требует строгого контроля. Отсутствие внешних директив рождает у отдельных лиц опасные упаднические тенденции. Моя первоочередная задача — не допустить подмены классового сознания примитивным инстинктом выживания. Мы не цепляемся за жизнь, мы удерживаем вверенный нам объект до поступления новых приказов».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.